

Особенности заселения и раннего освоения островов Рюкю (по материалам зарубежных учёных)

Жанна Михайловна Баженова,

кандидат исторических наук, учёный секретарь
Института истории, археологии и этнографии на-
родов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: bjannam@mail.ru

В статье на основе анализа исследований зарубежных учёных рассматриваются основные особенности заселения и раннего освоения островов Рюкю. Колонизация большинства островов происходила в эпоху голоцена земледельческим населением. Архипелаг Рюкю был успешно освоен группами охотников-рыболовов-собирателей. В его составе выделяются три зоны: северная (о-ва Амами), центральная (о. Окинава с прилегающими островами), южная (о-ва Сакисима). Первоначальное заселение всех трёх зон произошло в период позднего плейстоцена. Палеолитическое заселение не обнаруживает преемственности с последующими этапами. Начало следующей фазы колонизации Северных и Центральных Рюкю связано с приходом групп с о. Кюсю ок. 8000 л.н. Заселение Сакисима происходило ок. 4500 л.н. иными группами, маршруты миграций которых прослеживаются с Тайваня и Филиппин. Керамическая культура после промежутка «пустых лет» сменилась безкерамической. Южная часть архипелага выделяется в особую культурную зону, не имевшую в описываемый период никаких связей с северным и центральным районами. Основу жизнедеятельности насельников архипелага на протяжении нескольких тысячелетий составляли рыболовство, охота, собирательство. Среди адаптационных стратегий островитян главную роль играла система питания (основанная на сочетании ресурсов коралловых рифов и растительной пищи), а также особого рода социальные сети.

Ключевые слова: архипелаг Рюкю, адаптация охотников-рыболовов-собирателей, человек Минатогава, ресурсы коралловых рифов, период раковинных куч, социальные сети, торговля раковинами.

The patterns of early occupation and adaptation of the Ryukyu Islands (according to foreign researchers)

Zhanna Bazhenova, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Far Eastern branch of Russian Academy of Sciences), Vladivostok.
E-mail: bjannam@mail.ru.

The article on the basis of the foreign scientists' research explores the main features of early occupation and adaptation of the Ryukyu Islands. Many islands of the world were indeed firstly colonized by agriculturalists during the Holocene.

The Ryukyu archipelago was successfully colonized by hunter-fisher-gatherers. The archipelago is made up of three areas: Northern (Amami Islands), Central (Okinawa with surrounding islands), Southern (Sakishima Islands). Initial occupation all of the Ryukyu Islands occurred in the Pleistocene. Paleolithic settlement does not show continuity with the subsequent stages. The next stage of the colonization of the Northern and Southern Ryukyu is associated with the arrival of human groups from Kyushu approx. 8000 B.P. The colonization of the Sakishima Islands occurred by other human groups from Taiwan and the Philippines. Here the ceramic phase changed by the non-ceramic period after the gap of absence of the human population. During several thousands of years the Ryukyu archipelago inhabitation supported hunter-fisher-gatherers subsistence. The effective utilization of the coral reef resources and plants could have been one of the important factors in enabling the continuous occupation of Ryukyu. Social networks also played the crucial role in promoting the resilience of hunter-gatherers.

Keywords: Ryukyu archipelago, hunter-fisher-gatherers adaptation, Minatogawa people, coral reefs resources, Shellmidden period, social networks, shell trade.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Являясь самым адаптивным видом на Земле, *Homo sapiens* к концу плейстоцена заселил все континенты, за исключением Антарктики. Что касается островных территорий, то немногим более дюжины из них оказались заселены в период позднего плейстоцена, освоение большинства происходило преимущественно в голоцен. Традиционно причинами позднего заселения островов, кроме неразвитости средств и навыков мореплавания, называются характерные черты островной экосистемы. Ограниченность природных ресурсов, особенно наземных, их высокая уязвимость перед антропогенным вмешательством служат серьёзными препятствиями для колонизации островов охотниками-собираателями. Как результат, многие острова впервые были успешно (в понятиях долгосрочного репродуктивного успеха) колонизированы земледельцами. Существуют исключения, когда освоение островов происходило охотниками-собираателями при наличии одного или комбинации нескольких определённых условий: большая площадь¹ (Япония), расположение рядом с крупным участком суши (о-ва Калифорнийского канала), местообитание популяций морских млекопитающих и наличие технологий их добычи (Алеутские о-ва, Кадьяк), возможность для интродукции растений или животных, пригодных для использования человеком (о. Манус) [6, с. 2]. В этом отношении ар-

¹ Японский учёный, специалист по палеоботанике Такамия Хирото предположил, что большинство островов, колонизированных охотниками-собираателями, имели площадь 10 000 кв. км. или более [5, с. 53].

хипелаг Рюкю составляет исключение из исключений, поскольку не вписывается в вышеперечисленный ряд условий. Первые попытки заселить архипелаг приходится на период плейстоцена. Со времени среднего голоцена здесь обитало население, основу экономики которого вплоть до IX—X вв. н.э. составляли охота, рыболовство и собирательство.

КРАТКАЯ ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АРХИПЕЛАГА РЮКЮ

Архипелаг Рюкю (острова Нансей) располагается на границе между Евразийской и Филиппинской плитами, дугой протянувшись от о. Кюсю до побережья Тайваня на 1100 км. Самый северный о. Танегасима находится приблизительно в 60 км от Кюсю, а самый южный — Ёнагуни — примерно на таком же расстоянии от о. Тайвань. В составе архипелага насчитывается более 160 островов, из которых 55 крупных общей площадью 3090 кв. км. Принято делить архипелаг на Северную, Центральную и Южную часть. В северную группу входят о-ва Амами (площадь самого большого — Амами Осима — ок. 712 кв. км); в центральную — о. Окинава (ок. 1204 кв. км.) с прилегающими островами; южную часть представляет архипелаг Сакисима, который в свою очередь делится на о-ва Мияко (Миякодзима — 159 кв. км.) и Яэяма (крупные о-ва Ириомотэ и Исигаки имеют площади 289 и 222 кв. км соответственно). Природные границы — широкие проливы Токара к северу от Амами Осима и Керама к югу от о-ва Окинава, формируют водные преграды, обеспечивающие изолированность северной и центральной частей архипелага от Японии и южной части.

Острова Нансэй состоят из гряды подводных гор, отделённых от континентального шельфа Окинавским жёлобом. К востоку от этой линии находится глубокая впадина Рюкю, к западу от островов протянулась линия вулканов. Гряды коралловых рифов, не только определяющие топографию Рюкю, но и сыгравшие ключевую роль в системе жизнеобеспечения древнего населения, окружают многие острова архипелага, расширяясь по мере продвижения на юг. Архипелаг — самая северная граница распространения коралловых рифов в северном полушарии.

Среди островов Рюкю выделяются два типа: вулканические и коралловые. Коралловые острова — низкие и сухие; на более высоких вулканических островах растут густые леса — источник древесины, имеются аллювиальные почвы, пригодные для заливного рисосеяния, но они отличаются повышенной влажностью, в условиях которой высок риск заболевания малярией.

Располагаясь на 24—31 градусах северной широты, Рюкю попадает в зону влияния тихоокеанского течения Куроисио и восточноазиатских муссонов, что обуславливает субтропический климат с длительным жарким летом и короткой зимой. Среднегодовая норма осадков составляет

2223 мм, наибольшее их количество приходится на летние месяцы, когда хозяйничают муссоны, а также на период осенних тайфунов. Растительный мир представляет сочетание вечнозелёных широколиственных лесов внутренних областей и прибрежной флоры Индо-Пацифики.

ЭТАПЫ ЗАСЕЛЕНИЯ АРХИПЕЛАГА РЮКЮ

Палеолит (32—16 тыс. л.н.). Первые *Homo sapiens* появились на Рюкю в конце плейстоцена. Самые древние скелетные останки: бедренная и большеберцовая кость, принадлежащие 6-летней девочке, найденные в пещере Ямасита близ г. Наха², датируются 32 100 ± 1000 л.н. Возраст фоссилий из пещеры Пиндза-Абу на о-ве Мияко определён как 26 800±1300—25 800±900 л.н.; находки из пещеры Симодзибару на о. Кумэ насчитывают 15 200±100 л.н. [9, с. 174]. Наиболее известным представителем плейстоценовых гоминидов Японии является «человек Минатогава». В ходе раскопок, проводившихся с 1968 по 1974 гг. в расселине известнякового карьера в местечке Минатогава на юго-востоке о. Окинава, были обнаружены частичные скелеты (включая черепные коробки) мужчины и четырёх женщин. Эти материалы до сих пор считаются одними из важнейших для изучения эволюции человека в Восточной Азии. Возраст «человека Минатогава» согласно радиоуглеродному анализу — 18 250±650—16 600±300 л.н.

В 2007—2009 гг. в ходе раскопок пещеры Сирахо-Саонэtabару на о. Исигаки³ были обнаружены 9 фрагментов человеческих останков. Радиоуглеродный анализ извлечённого коллагена показал возраст от 20 до 16 тыс. л.н. Таким образом, это бесспорно доказывает, что о-ва Рюкю были заселены в период плейстоцена [9, с. 180]. Даты соотносятся с вюрмским оледенением, когда уровень моря фиксировался на 120—140 м ниже современного, что позволяет предполагать наличие сухопутных мостов, связывающих о-ва Рюкю с Тайванем, материком и Кюсю. В исследованиях, посвящённых появлению человека на Японском архипелаге, цепь островов Рюкю зачастую выступает одним из главных маршрутов. Поэтому вопрос о существовании сухопутных мостов тесным образом связан с проблемой путей и способов миграций. Он по-прежнему остаётся открытым. Кимура Масааки, основываясь на данных геологии, отстаивал идею о том, что в период от 200 тыс. до 20 тыс. л.н. два пролива (Токара и Керама) представляли собой сушу, либо были шириной не более 1 км, и во время отлива животные легко пересекали их. Он пришёл к заключению, что мосты исчезли в более поздний период в результате резкого погружения земной коры [11, с. 20].

² Столица современной префектуры Окинава.

³ Архипелаг Яэяма.

Большинство же специалистов придерживаются иной точки зрения. «Принимая во внимание данные об обилии ископаемых останков материковых млекопитающих, обнаруженных на дне канала Пенгфу Тайваньского пролива и датированных 20 000—15 000 л. н., можно говорить о наличии сухопутного моста между самыми южными островами Рюкю и Тайванем в этот период. Остальные острова Рюкю не были соединены с материком в данный промежуток времени, хотя могли соединяться между собой. Уровень изоляции центральных островов был выше, чем южных» [3, с. 248]. Зоологи Хироюки Оцука и Акио Такахаси считают, что по сухопутному мосту, связывающему Тайвань и южные Рюкю, проходила миграция млекопитающих равнин и лесов (*Sus scrofa*⁴) наряду с другой группой млекопитающих (*Capreolus miyakoensis*⁵, *Felis*⁶ sp., *Microtus fortis* и др.), продвигавшейся на юг из северо-восточной Азии. Некоторые представители этой «иммиграции» сформировали характерную древнейшую фауну Мияко, которая никогда не достигла о-ва Окинавы из-за пролива Керама [10, с. 61].

Пролив Токара, который отделяет о-ва Рюкю от о-вов Сацунан и собственно Японии, совпадает с т.н. «линией Ватасэ», служащей границей двух различных зоогеографических зон. Он образовался в период плиоцена в результате тектонической активности [3, с. 247]. Таким образом, если предположить, что о. Окинава не был соединён с континентом (южными Рюкю и Кюсю) в позднем плейстоцене, то вероятнее всего предки человека Минатогава прибыли сюда, используя средства передвижения по воде. По свидетельству Хабу Дзюнко, жители региона в период верхнего палеолита обладали технологиями изготовления плавсредств, позволяющих им путешествовать вокруг архипелага [4, с. 161].

Доказательства того, что палеолитическое население Рюкю жило в условиях небольших островов, представлены в исследовании физических особенностей «человека Минатогава», проведённом японским учёным Баба Хисао. По его мнению, ряд характерных черт, обнаруженных у «человека Минатогава», говорят о приспособлении к скудости рациона и недоеданию. Например, для сокращения расхода энергии, произошло уменьшение размера тела, о чём свидетельствует узкий позвоночный столб, более короткие и хрупкие кости конечностей, особенно плеч и рук. Другие характеристики объясняются во взаимосвязи с движением. Короткие ноги и широкие ступни позволяли легче передвигаться по неровной (холмистой) поверхности. Кроме того, небольшая длина нижних конечностей является результатом приспособления к медленному передвижению по ограниченной территории. Короткая пятка, отличающая млекопитающих-«бегунов» и не присущая человеческому телу, вкуче с хорошо развитыми мышцами голени трактуется Х. Баба как показатель адаптации к лазанию по деревьям и холмам [1, с. 236].

⁴ Дикий кабан.

⁵ Косуля Мияко.

⁶ Дикая кошка.

Проведя сравнительный анализ с останками палеолитического человека, обнаруженными на «основных» Японских о-вах, а также на материке (люди Верхней пещеры Чжоукоудянь и человек Людзян), учёный обнаружил отличие их физических характеристик от «человека Минатогава», которое объясняется отсутствием у них необходимости адаптации к островному ландшафту [1, с. 237]. Таким образом, пример «человека Минатогава» показывает, что средовое влияние островного ландшафта оказывало значительное воздействие и на биологическую эволюцию.

Самой большой проблемой в изучении палеолита Рюкю является то, что все вышеупомянутые останки человека были найдены вне культурного контекста, особенно отмечается отсутствие комплексов каменных орудий. Такамия Хироэ сообщил о находках трёх каменных орудий в местонахождении Ямасита, два из которых были идентифицированы как имеющие сходство с отбойниками, один — с отщепом. Но поскольку материалом для этих предметов служил мягкий песчаник, то уверенно определить наличие следов человеческой деятельности не смогли и подтверждения того, что это орудия, данные находки не получили [17, с. 10].

Кроме указанных предметов, в пещере обнаружили фрагменты костей оленя, к которым, по мнению учёного, приложил руку человек. Например, рогу была придана форма рубящего орудия, а один или два края длинных костей (берцовая или голени) были заострены [17, с. 10]. Стоит отметить, что подобного рода артефакты, обозначаемые как «вилкообразные костяные орудия» (костяные орудия с парными надрезами), впервые были найдены ещё в 1935 г. на о. Иэ, к западу от о. Окинава. В 1976 и 1977 гг. Като С. и Хасэгава К. провели исследование около 10 тыс. окаменелых останков оленя и выявили 172 предмета, имеющие признаки вилкообразных костяных орудий. Более тщательный анализ показал, что сколы и трещины могут быть результатом остеофагии (недостатка фосфора), следами укусов другого животного, т.е. иметь естественный характер [16, с. 15]. Кроме того, повреждения могли образоваться при обглаживании костей, а отверстия делались человеком, чтобы достать мозговое вещество. Впрочем, по свидетельству Ода Сидзуо, дальнейшие исследования всё-таки подтвердили наличие искусственной обработки костей, и факт изготовления палеолитическим человеком Окинавы костяных орудий можно считать доказанным [16, с. 15].

Определённую надежду на то, что обнаружение каменных орудий на Окинаве является делом времени, дают находки, сделанные на о-вах Амами. При раскопках памятника Цутихама Яня (о-в Амами Осима), в слое вулканического пепла нашли заострённое орудие из сланца, отщепы и фрагменты необработанного материала. Этот памятник двухслойный; радиоуглеродный анализ показал, что возраст верхнего слоя примерно соответствует возрасту «человека Минатогава» — ок. 18 тыс. л.н. В нижнем слое, датированном 21 400 л.н., были найдены 3 артефакта со следами шлифовки. Известный окинавский археолог Асато Сусуми ставил во-

прос о возможном сходстве артефактов, найденных на Амами Осима, с каменными топорами основной территории и путях их распространения: на Рюкю из Японии или в Японию через Рюкю. Решение пока не найдено [15, с. 68].

Немаловажное значение для обсуждения палеолита Рюкю имеют местонахождения о. Танэгасима, расположенного южнее Кюсю, с которым он был соединён в период ледникового максимума. В одном из памятников, датированном между 25 и 30 тыс. л.н. найдены ступки, шлифовальные камни, каменные топоры, группы галечных орудий, земляные ямы и следы очага. Предполагается, что находки свидетельствуют о том, что в самом южном районе Японии вместо основной охотничьей деятельности существовала более стабильная система переработки и потребления растительной пищи [16, с. 17]. По мнению Ода Сидзуо, палеолитическая культура Танэгасима имеет сходство с «южной» палеолитической культурой. Следовательно, из района Юго-Восточной Азии, пройдя по Рюкю до Амами, человек переплыл пролив Токара и достиг Танэгасима, затем, следуя на север по Куроисио, добрался до южного района Канто и расселился там [16, с. 18].

Необычайно популярная в 1990-е — начале 2000-х гг. теория «двойной структуры» антрополога Ханихара Кадзуро объясняла происхождение японцев основной территории из смешения двух типов: автохтонного (дзёмонского, южного) и иммигрантского (яёйского, северного). Она полагает современных окинавцев потомками дзёмонцев, а те, в свою очередь, трактуются как потомки палеолитического населения, представителем которых выступает «человек Минатогава». Однако дальнейшие исследования, с привлечением ДНК анализа в том числе, привели к появлению иных выводов, касающихся происхождения как японцев, так и рюкюсцев. Дзёмонское население в целом было более разнородным, чем предполагалось ранее, дзёмонские группы могли прийти из районов северо-восточной Азии, а «человек Минатогава» не был предком дзёмонцев [11, с. 44].

Достоверных свидетельств обитания человека на островах Рюкю в течение почти 10 тыс. лет со времени «человека Минатогава» до начала периода «раковинных куч» не выявлено. Более широкое жизненное пространство, которое представляли собой о-ва Рюкю в последний ледниковый максимум, а также разнообразие фауны позволяли палеолитическому населению выживать в условиях маленьких островов. На всей территории архипелага во множестве найдены останки оленя *Cervus astylodon* и оленя-мунтжак. Но эти виды, как и гигантские черепахи, вымерли к концу плейстоцена, из «крупных» млекопитающих остался только дикий кабан (*Sus scrofa riukiuanus*). Начавшееся ок. 15 тыс. л.н. таяние ледника привело к трансгрессии моря, о-ва Рюкю постепенно приняли современную форму. Сокращение территории и исчезновение основной промысловой фауны сделало невозможным выживание палеолитического населения.

Неолит — «период раковинных куч» (*кайдзука*) (6000 л. до н.э. — 900 г. н.э.). Следующее заселение Северных и Центральных Рюкю произошло ок. 6000 л. до н.э. группами, пришедшими с севера, с Кюсю. Крупнейший специалист по археологии Окинавы Ричард Пирсон полагает, что причиной миграции населения Кюсю на юг могло послужить извержение вулкана Кикай Акахоя, случившееся приблизительно 7300 л.н. Выжившие были вынуждены двинуться на Рюкю [11, с. 64]. Заселение островов Сакисима произошло значительно позже и совершенно другими группами.

Примерно до 900 г. н.э. обитатели Северных и Центральных Рюкю, несмотря на взаимодействие с земледельцами «основной» территории Японии и, возможно, других районов Восточной Азии, вели образ жизни охотников-собирателей. К настоящему времени накоплен достаточный объём сведений о флоре и фауне региона, которые могли составить основу рациона местных жителей. Северные и Центральные Рюкю бедны наземными ресурсами. Известно всего около 20 наземных млекопитающих. Самое большое из них — дикий кабан — размером со среднюю собаку, другие млекопитающие гораздо меньше (крысы и летучие мыши). Здесь также обитает большое число птиц, амфибий, рептилий, но они, за исключением черепахи, не являются важным источником питания.

Однако морские ресурсы очень богаты — в водах Рюкю обитает более 100 видов съедобных рыб и несколько сотен видов моллюсков. Морские млекопитающие, такие как дельфины и киты, только время от времени появляются в акватории архипелага. Постоянным обитателем морского побережья Окинавы можно считать дюгоня, но для охотников-собирателей он не был привычной добычей, поскольку ни в одном из местонахождений не обнаружено его останков в больших количествах.

«Поставщиками» растительной крахмалистой пищи (углеводов) были дубы, каштанники, саговая пальма. Тайваньский ямс, пуэрария, лилия длинноцветковая, стрелолист также считались важным источником крахмала. Археоботанические данные показали, что, в рацион древних островитян входили ежевика, актинидия, виноград и Махил Тунберга (*Machilus thunbergii*). Единственное культивируемое растение — семя горлянки — было обнаружено в местонахождении Ирэибару (4230—3790 л. до н.э.). Это растение периода раннего голоцена находят во многих районах мира, включая Японию [6, с. 2, 8]. Современные окинавцы в больших количествах потребляют морские водоросли, поэтому можно предположить, что водоросли были частью «растительной диеты» и древних островитян.

Неолитический период островов Рюкю получил название «период раковинных куч» (*кайдзука*). В соответствии с основными тенденциями заселения островов и формирования локальных сообществ, Асато Сидзюн выделил 4 этапа для Северных и Центральных Рюкю: «миграции», «адаптации», «расселения» и «развития». Эти этапы совпадают с подпериодами, на которые принято делить «период раковинных куч»: на-

чальный (6000—2000 л. до н.э.); ранний (2000—1000 л. до н.э.); средний (1000—300 л. до н.э.); поздний (300 л. до н.э. — 1050 г. н.э.) [11, с. 83].

Насельниками начального периода раковинных куч архипелагов Ама-ми-Окинава были небольшие мобильные группы охотников-собирателей. Их стоянки отличались маленькими размерами, и, хотя построек на них не найдено, следы очагов присутствуют. Стоянки располагались не только на морском побережье, но и во внутренних областях. Эти черты характеризуют высокомобильную модель расселения с эпизодическим повторным использованием одних и тех же стоянок. Перемещения не были сезонными, диктовались скорее особенностью системы жизнеобеспечения и необходимостью поиска подходящих мест для охоты и собирательства [12, с. 313].

Анализ двух местонахождений начального этапа раковинных куч: Ногуни Б в центральной части о. Окинава и современного ему местонахождения Оике на о. Такара в 350 км от Наха показал, что основу рациона ранних жителей островов составляли млекопитающие, в подавляющем большинстве — дикие кабаны. Например, в Ногуни Б, изобилующем фрагментами одного из самых ранних типов керамики «цумэгатамон», 95% животных останков принадлежат млекопитающим, почти все — дикие кабаны [5, с. 58]. При этом находки наконечников стрел очень редки, что может объясняться их добычей с помощью ловушек. В связи с чем возникает вопрос о доместикации кабана древними обитателями Рюкю. Следует отметить, что он по-прежнему остаётся открытым. Опираясь на морфологию скелета и изотопный анализ, М. Минагава и А. Мацуи предполагают, что одомашненная свинья присутствовала⁷. Большинство же специалистов склоняется к тому, что доместичированных видов животных, кроме собаки, в период раковинных куч на Окинаве не было.

Кроме млекопитающих и рептилий, в указанных местонахождениях обнаружены 3 вида больших брюхоногих и двустворчатых моллюсков: *Tectus maximus*, *Lunatica marmorata* и *Tridacna maxima*. Добыча всех этих видов — рискованное и трудозатратное занятие, поскольку они обитают в открытом море на склонах коралловых рифов, а *Tridacna maxima* очень трудно извлечь из коралловой породы даже с помощью железных инструментов [5, с. 60—61]. Лагунных же видов в это время было мало, так как процесс формирования рифов ещё не был завершён.

Археоботанические данные также показали, что важную роль в рационе жителей играли орехи (*Castanopsis sp.* и *Quercus miyagi*). Перед переработкой в муку для удаления танина их выщелачивали. О том, что

⁷ Образцы костей кабана с дзёмонских стоянок Окинавы отличались от неолитических образцов, найденных в Китае и Корее, сравнительно высоким содержанием азота (¹⁵N). Похожие данные были получены при исследовании костей человека того же периода. Предполагается, что кабаны питались рыбой и другими морепродуктами, добывая их из отходов и экскрементов человека. К стоянкам людей кабанов привлекал стабильный источник пищи [2, с. 361—362].

орехи подвергались переработке перед употреблением, свидетельствуют каменные орудия: ручные мельницы и камни с лунками. Тяжёлые каменные мельницы, а также хрупкая керамика, по мнению Синдзи И., не вполне соответствуют образу жизни высококомобильных групп охотников-собирателей. Вероятно, часть орудий и посуды оставлялась на хранение на повторно используемых стоянках. На них часто обнаруживают и большие частично отполированные каменные топоры, которые могли выступать в роли престижных товаров [12, с. 313]. Эти факты позволяют говорить о накоплении прибавочного продукта, возникновении обмена, а следовательно, и более высоком уровне социально-экономического развития.

В собраниях фаунальных остатков, датированных 4—3 тыс. л. до н.э., преобладают морские рыбы некоралловых рифов. Однако в комплексах, датированных 3—2 тыс. л. до н.э., среди остатков позвоночных стали считать от 60 до 90% рыб коралловых рифов, преимущественно видов *Scaridae* (рыба-попугай) и *Labridae* (губан). Как утверждает Такамия Хирото, именно на это время приходится первая успешная (долгосрочная) колонизация Северных и Центральных Рюкю. Таким образом, успешная адаптация и долговременная колонизация могли быть напрямую связаны с открывшимся доступом к высокопродуктивным ресурсам коралловых рифов [6, с. 8].

Сформировалась определённая стратегия добычи моллюсков. Раскопки шести местонахождений позднего дзёмон (раннего периода раковинных куч) дали более 100 видов моллюсков с минимальным количеством особей⁸ от 4 до 198 тыс. Хотя охотники-собиратели могли знать множество съедобных растений и животных, они концентрировались лишь на нескольких основных видах, что предоставляло определённые эволюционные преимущества. В указанных местонахождениях наиболее распространёнными являются 6 видов брюхоногих и двустворчатых моллюсков среднего и маленького размеров: *Marmarstomata argyrostoma*, *Conomurex luhuanus*, *Atactodea striata*, *Lunella coronata granulate*, *Theliostyla albicilla*, *Gafrarium tumidum*. Последние три вида могли легко и безопасно собираться даже детьми [5, с. 60].

Заметные изменения в характере расселения жителей Рюкю происходят во второй половине раннего — среднем периоде раковинных куч (2500—500 л. до н.э.). Поселения стали располагаться во внутренних районах, на возвышенностях, часто на известняковых холмах и открытых террасах. Такая позиция позволяла держать в поле зрения рыболовные участки и иметь оптимальный доступ к внутренним ресурсам. В это время появляются довольно основательные жилища и долговременные стоянки. В их обустройство вкладывалось немало труда, например, для жилых зон строились искусственные насыпи с низкими каменными сте-

⁸ MNI — minimum number of individuals.

нами [12, с. 315]. Жители поселений могли перемещаться в сезонные прибрежные «лагеря» для рыбалки и сбора моллюсков. Однако сезонность на Рюкю выражена слабо, часть ресурсов добывалась и хранилась непосредственно рядом с поселением, что подтверждается находками хранилищ с запасами орехов. Ещё одним важным индикатором произошедших изменений могут служить могильники, расположенные не только возле поселения, но и отдельно от него на склонах холмов.

Наглядным примером такого рода стоянки служит поселение Синугудо на о. Мияги (недалеко от восточного берега о. Окинава), расположенное на известняковом плато на высоте около 100 м. Памятник датируется приблизительно 1000 л. до н.э. Его площадь составляет около 14 000 кв. м. К востоку от него, у подножия холма, находится раковинная куча площадью 12 000 кв. м. Было раскопано 42 жилища прямоугольной формы размером 2(5) на 6 м со средней глубиной пола около 30 см. Стены ряда из них по периметру (полностью или частично) выложены камнями. Столбовые опоры с диаметром основания около 9 см, как правило, расположены вдоль каждой из стен. Полы в некоторых жилищах выложены коралловым гравием, очаг располагается в одном конце. Кроме полуземлянок имеется 12 домов размерами 2×3 м или 4×5 м, которые возведены на каменных площадках [11, с. 92]. Синугудо — самая крупная стоянка всего периода раковинных куч, она сравнима с большими дзёмонскими поселениями в других частях Японии. Таким образом, стремительный рост количества и площади поселений и жилищ говорит об увеличении роста численности населения и переходе к оседлому образу жизни. Дифференциация жилищ и захоронений свидетельствует о наличии заметной социальной стратификации.

Об успешной адаптации к островному ландшафту, по мнению Такамия Х., свидетельствует и картина распространения характерных типов окинавской керамики. Наиболее широкое распространение они получили в начале IV тыс. до н.э. как результат колонизации Окинавы с Кюсю. С конца IV тыс. до н.э. ареал распространения начинает сужаться, и своих минимальных значений он достигает в течение II тыс. до н.э. Это может объясняться снижением потребности в мобильности. К концу I тыс. до н.э. появляются отличительные керамические культуры на архипелагах Амами и Окинава, что говорит о дальнейшем сокращении мобильности рыболовов-охотников-собираателей [6, с. 10]. С повышением уровня обеспечения уменьшается необходимость в поддержании связей с другими регионами.

В поздний период раковинных куч, на протяжении всего I тыс. н.э., обитатели Северных и Центральных Рюкю продолжали вести образ жизни рыболовов-охотников-собираателей. В связи с чем возникает вопрос, почему у них так и не произошёл переход к земледелию, в то время как в соседних регионах Восточной Азии, и на основной территории Японии основу экономики уже составляло сельское хозяйство. Свидетельства раннего

земледелия на Рюкю были обнаружены, например, при раскопках памятника Уэхара Нурибару, Гинован, Центральная Окинава, датированного средним периодом раковинных куч. К ним относятся следы борозд, которые наряду с неглубокими колодцами и подобием каналов для воды, трактовались как признаки подсечно-огневого земледелия. На многих памятниках этого периода также были найдены такие каменные орудия как жатвенные ножи, точильные камни, мотыги. Косвенным доказательством наличия земледелия может считаться изобилие наземных улиток, обнаруженных, например, в Синугудо [11, с. 103]. Известно, что к быстрому размножению улиток приводит вырубка лесов. Однако главного доказательства — культигенов — при флотации растительных остатков выявлено не было.

Самые ранние свидетельства культигенов — риса, пшеницы, ячменя и проса — дали раскопки памятника Надзакибару на о-ве Окинава. Там же были найдены семена многолетних трав семейства гречишных и паслёновых. Однако керамика памятника датируется не ранее IX—X вв. н.э. [6, с. 8]. Таким образом, вряд ли можно говорить о повсеместном переходе к занятию земледелием на Окинаве ранее XI—XII вв., о чём косвенно свидетельствует и отсутствие роста численности населения. Воспрепятствовать адаптации земледельческой культуры на более раннем этапе мог и период очередного похолодания, т.н. «холодный период Кофун» (250—700 л. н.э.). Сильные зимние муссоны замедляли рост растений, летом им мешала засуха [11, с. 118]. В то же время перспективной для исследования является гипотеза о выращивании населением Окинавы конца раннего — среднего периодов раковинных куч корнеплодных культур, таких как ямс и таро. Т. Куродзуми, обнаружив в ряде местонахождений останки тропической улитки, пришёл к выводу о возможности существования в описываемый период культуры заливного таро [12, с. 319].

О-ва Сакисима (самая южная часть арх. Рюкю) в доисторический период были изолированы от северных и центральных районов. Водная преграда в 270 км долгое время была для человека непреодолимой, и связь Сакисима с остальным архипелагом установилась только к XI в. н.э. через торговлю и колонизацию. Первый этап постплейстоценового заселения этих островов приходится на период Симотабару (названный так по одноимённому типу керамики) — 2900—2000 л. до н.э. По мнению Г. Саммерхэйза и А. Андерсона, имеются археологические свидетельства того, что ранние колонисты пришли сюда с Тайваня. О-ва Яэяма, лежащие к востоку от Тайваня и занимающие стратегически важное положение, были одной из точек первоначального расселения австронезийских групп. Этот северный для австронезийцев путь не так заметен на фоне их южного маршрута с Тайваня на Филиппины и Батанские острова [13, с. 76]. У данной гипотезы немало противников, т.к. прямых параллелей в материальной культуре Тайваня и Сакисима не существует; кроме того, типичной стратегией колонизации австронезийцев считается сельскохозяйственная экспансия, однако следов земледелия на Сакисима не обнаружено. Воз-

можно, культивировался ямс, хотя прямых свидетельств нет, но с большой долей уверенности можно говорить, что дикий ямс был важной составляющей рациона островитян. Многочисленные каменные топоры указывают на широкое применение этих орудий для копания. Находки ручных мельниц и шлифовальных кругов говорят о том, что орехи, жёлуди и семена употреблялись в пищу после переработки.

Большинство местонахождений о-вов Яэяма этого периода располагалось на небольших холмах или террасах позади береговой линии, на красных вулканических почвах. К сожалению, эти почвы плохо сохраняют органику, поэтому чётких данных о диете ранних поселенцев имеется немного. Однако обнаруженная на о. Хатэрума раковинная куча содержит кости рыб, останки пресноводных, а также мангровые виды моллюсков с о. Ириомотэ. Здесь найдено и множество костей дикого кабана [13, с. 79], который также встречается на о-вах Ёнагуни и Тарама. Наиболее распространёнными видами морских моллюсков в местонахождениях Симотабару являются большие брюхоногие, обитающие на мелководьях. Присутствуют кости морских черепах и дюгоня.

Данные раскопок свидетельствуют о наличии временных жилищ, возведённых либо над небольшими углублениями, либо на плоской земляной поверхности с поддерживающими опорами. В очагах, наряду со следами древесного угля, находят сильно обожжённые крупные глыбы известняка и осколки метаморфита [11, с. 98—99].

Вероятно, первым колонистам не удалось успешно адаптироваться на архипелаге Сакисима, о чём свидетельствует отсутствие следов жизнедеятельности человека в последующие 800 лет после периода Симотабару. Около 1000—800 л. до н.э. на островах появилась новая культура, характеризующаяся отсутствием керамики, раковинными топорами из *Tridacna* и других гигантских моллюсков. Поскольку раковинные топоры *Tridacna* не найдены ни в северных и центральных районах Рюкю, ни на основной территории Японии, ни на Тайване, то самый вероятный источник этой культуры следует искать на Филиппинах. На связь с культурами Филиппин и Микронезии также указывают раковинные бусы [13, с. 78].

Реконструкция особенностей жизнедеятельности населения безкерамического периода затруднена небольшим количеством артефактов. В целом в местонахождениях наблюдается более высокая, чем в предыдущий период, пропорция моллюсков лагунных видов. Каменные грузила со сквозными отверстиями могут иметь отношение к сетному рыболовству. Повсеместные находки раковинных топоров в эстуарии р. Нагура (о. Исигаки) указывают на то, что солончаковые каналы и песчаные отмели были важными местами для ловли птиц, рыбалки и изготовления лодок [11, с. 99]. В отсутствии керамики пищу готовили на раскалённых камнях, заворачивая её в листья, либо используя раковины гигантских моллюсков. Верхняя граница безкерамической культуры Сакисима совпадает с началом периода *гусуку* на о-вах Амами-Окинава.

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ НА АРХИПЕЛАГЕ РЮКЮ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Несмотря на то, что о-ва Рюкю в разные периоды времени заселили различные культурные группы, существует сходство в системах жизнеобеспечения северных, центральных и южных районов архипелага. Одним из условий успешной адаптации к островному ландшафту стала выработка эффективной стратегии использования ресурсов коралловых рифов. Данные ресурсы в сочетании с растительной пищей составили основу системы питания островитян. Базовыми элементами рациона выступали богатые протеином, витаминами и минеральными веществами рыба и моллюски, а также высококалорийные орехи.

Исследование фаунистических остатков показало, что во всех районах Рюкю в одинаковые периоды времени использовались сходные виды рыб и моллюсков. Тщательный анализ останков рыб, проведённый Г. Тоидзуми, обнаружил, что почти во всех коллекциях доминируют 3 вида — рыба-попугай, губан, рыба-император. В дополнение к добыче рыб и моллюсков на архипелаге охотились на свиней. С одной стороны, эти паттерны свидетельствуют о сходных ресурсах. Т. Куродзуми отмечает, что на Южных Рюкю одинаковые виды рыб выступали объектом промысла не только в ранний доисторический период, но и после промежутка «пустых лет» на более позднем этапе. Также он акцентирует внимание на том, что наличие или отсутствие керамики почти не влияло на выбор пищевой стратегии [7, с. 58—59]. Кроме собирательства, охоты и рыболовства, важными элементами адаптации в таких сложных экологических системах, как маленькие острова, являлись социальные сети. Следует иметь в виду, что для поддержания социальных сетей были необходимы значительные усилия и адаптация требовала баланса между затрачиваемыми усилиями и ожидаемой выгодой. Большинство маленьких островов — высоко уязвимые экологические системы. В случаях, когда уязвимость социо-экологических систем связана с внешними процессами, изоляция могла быть предпочтительней внешних связей. Однако «адаптация включает увеличение разного рода механизмов выживания и извлечения уроков из перемен и неожиданных шоков; слишком сильная изоляция может нанести вред способности выстраивать институты, способные реагировать на внезапные изменения» [7, с. 51].

Несмотря на географическую изолированность островов, сети с большим радиусом действия играли здесь заметную роль в доисторический период. Главным доказательством существования связей между Северными, Центральными Рюкю и Кюсю выступает керамика. Керамика появляется на Окинаве ок. 6000 л. до н.э. Широко распространена точка зрения, что она берёт своё начало в культуре дзёмон Кюсю, и для периодизации доисторической культуры о-вов Амами-Окинавы зачастую используют-

ся привычные для японской типологии определения от «начального» до «позднего (финального) дзёмон». Не так давно Ито Синдзи заметил, что самая ранняя керамическая культура⁹ Окинавы и Амами не располагает чёткими параллелями с дзёмонской керамикой Кюсю, и высказал идею о её неапонском происхождении. Однако более поздние типы керамики ясно связаны с культурой дзёмон, и, хотя образцы с Амами и Окинавы не идентичны образцам с Кюсю, сходства между ними достаточно многочисленные и чёткие, чтобы говорить о наличии интенсивных контактов между этими регионами [7, с. 58—54].

Основную трудность в моделировании ранних сетей на Амами и Окинаве представляет интерпретация роли дзёмонской керамики. В то время как параллели в стилях и формах керамики Амами, Окинавы и Кюсю прослеживаются, найдено слишком мало других предметов обмена. На Окинаве присутствуют лишь немногочисленные находки обсидиана и нефрита с Кюсю, наконечники стрел, ряд каменных орудий, имеющих дзёмонскую типологию, а также рыболовные орудия, но никаких глиняных фигурок (*догу*), фаллических символов (*сэкибо*) или других ритуальных артефактов, характеризующих культуру дзёмон Японии, здесь не найдено.

Ещё одну возможную модель дзёмонских сетей на Рюкю предлагают Макдональд и Хьюлит: они строят её через концепцию брачных сетей. Существует сильная корреляция между плотностью населения и радиусом поиска брачного партнёра как для групп охотников-собирателей, так и для групп земледельцев [7, с. 55]. Общее количество населения на любом этапе периода раковинных куч на Рюкю было весьма небольшим. Основываясь на данных обо всех зафиксированных памятниках на Северном и Центральном Рюкю, исследователи подсчитали число памятников, приходящихся на каждые 100 лет. В течение периода раковинных куч число таких местонахождений составило 20 или менее, в то время как в последующий период *гусуку* это число выросло до 80 и более. При этом следует учитывать, что памятники периода раковинных куч значительно уступают в размерах раннесредневековым *гусуку*¹⁰ [6, с. 9]. И, хотя не все специалисты признают надёжность данного метода подсчёта, высокая плотность населения на маленьких островах традиционно связывается с более развитыми технологиями и социальной сложностью, эгалитарным островным обществам, напротив, присуща низкая плотность населения, требующая путешествия в другие районы для поиска брачного партнёра.

⁹ До недавнего времени самым ранним типом керамики на Окинаве считалась керамика «цумэгатамон» (керамика с «когтевидным» орнаментом), датированная 5 тыс. л. до н.э. Её появление знаменовало наступление начального периода раковинных куч. Однако Р. Пирсон выделяет ещё более ранний тип: «простая керамика» (*plain pottery*), напоминающий керамику начального дзёмон Кюсю, и датированный 5950—5750 л. до н.э. [11, с. 54].

¹⁰ Окинавское слово *гусуку* часто переводят как *замок, цитадель*.

Широкое обсуждение получили модели разновременных сетей по торговле раковинами. Наоко Киносита выдвинула идею о том, что торговля раковинами каури (*Monetaria moneta*) началась между Китаем и Рюкю ок. 2000 л. до н.э. Подтверждением служат находки на Рюкю раковинных бус в форме дисков, которые не обнаружены на памятниках Кюсю, но они характерны для неолита района Жёлтой реки. Похожие на них браслеты и другие украшения с побережья Китая также появляются и на Окинаве. Прослеживается и сходный обычай ритуального удаления зубов у жителей Рюкю и населения низовий Жёлтой реки. Однако сама исследовательница признаётся, что данная версия требует дальнейшей тщательной проверки [8, с. 68].

Гораздо более известна сеть по торговле раковинами, существовавшая в период 300 л. до н.э. — 600 л. н.э. Сначала на Кюсю, а после в центральной Японии и в Корее, браслеты из брюхоногих моллюсков с красивыми витыми раковинами *Tricornis lattissimus* и *Lithoconus litteratus* стали цениться как предметы религиозного культа и престижа. Торговцы с Кюсю в поисках раковин обратили свои взоры на Рюкю. Судя по распространению здесь захоронений в каменных гробах, характерных для культуры *яёй* северного Кюсю, и антропометрическим данным, торговцы жили на островах, возможно, женились на местных жительницах. Есть все основания предполагать, что торговля велась преимущественно на о-вах Окинавы, хотя многочисленные находки керамики с о-вов Амами на Окинаве могут означать, что жители Амами выступали в качестве посредников. Роль окинавцев заключалась в сборе, очистке, хранении сырья, изготовлении заготовок изделий, которым придавали законченный вид уже на Кюсю. Об активном участии островитян в торговле свидетельствует постепенное изменение типов поселений, которые начали размещаться на песчаных дюнах побережья. Основным товаром, предлагавшимся к обмену на раковины, была керамика, преимущественно сосуды для хранения и перевозки, в которых привозились рис, бобы, рисовое вино. В памятниках Рюкю этого периода также обнаруживаются железные орудия, бронзовые наконечники стрел и зеркала, стеклянные бусы, украшения из нефрита.

Исследование Такаюки Синдзато показало существование обменных сетей на Окинаве в период 300 л. до н.э. — 300 л. н.э., на который приходится пик торговли раковинами. В центре этой сети находятся поселения, обозначаемые им как поселения «категории I», где обнаруживаются хранилища раковин, много импортных товаров. Гробницы с каменными плитами указывают на присутствие людей с особым социальным статусом. Располагаются эти поселения на равном расстоянии друг от друга, на лучших торговых маршрутах. Сходны с ними поселения «категории II», за исключением того, что импортные товары в них представлены почти преимущественно керамикой; в поселениях «категории III» импортные товары встречаются редко. Т. Синдзато приходит к выводу, что «влиятельные

группы из поселений „категории I“ собирали раковины в поселениях „категории III“ и делали заготовки. Затем в поселениях „категории II“ раковины обменивались на сосуды с зерном, вином и некерамические изделия. Полученные товары вывозились в поселения „категории I“, откуда перераспределялись в поселения „категории III“, кроме некерамических изделий, представлявших престижные товары» [14, с. 79]. Стоит добавить, что значительная часть привозимой керамики оставалась в «пунктах обмена» — поселениях «категории II», где их обнаружено наибольшее количество.

В VII—IX вв. н.э. основными торговыми партнёрами рюкюсцев были китайские купцы, у которых особым спросом стали пользоваться раковины *Turbo marmoratus*. Из них получали перламутр, применяемый для инкрустации. То, что торговля велась преимущественно с Китаем, вытекает из распространения на рюкюских памятниках монет династии Тан *кай-гэн цу.хо*: без сопровождения японских монет. *Turbo marmoratus* широко использовались и на самом архипелаге: из толстой «крышки», закрывающей устье раковины, делали скребки, мясо моллюска употребляли в пищу, из раковин также изготавливали большие ложки. Асато Сусуму выявил два основных кластера по переработке раковин *Turbo*: на севере о. Амами и на о. Кумэ, откуда они распространялись на остальные острова [11, с. 140].

Таким образом, «путь раковин» стал широкой сетью, связывающей Северные и Центральные Рюкю друг с другом, Кюсю и Китаем. Благодаря торговле раковинами, на Окинаве появились изделия из железа и бронзы. Заметная дифференциация поселений, вовлечённых в дистрибутивную сеть, с концентрацией «престижных товаров», иерархия захоронений свидетельствуют об усложнении социальных взаимоотношений. Однако их дальнейшее развитие, которое в конечном итоге привело к образованию государства, стало возможно только после введения сельскохозяйственного производства и значительного расширения торговых сетей в период *гусуку* (XI—XV вв.).

В целом, среди японских специалистов отмечают две точки зрения на процессы заселения и адаптации постплейстоценового населения Северных и Центральных Рюкю. По мнению Такамия Хирото, вызовы, связанные с адаптацией групп охотников-собирателей к маленьким отдалённым островам, приводили к периодическим кризисам и, соответственно, переселению или вымиранию жителей. Успеха в колонизации древние насельники архипелага достигли после выработки самой эффективной в условиях островного ландшафта стратегии жизнеобеспечения, основу которой составляла оптимальная диета. Об успехе адаптации свидетельствует рост населения, который продолжался до второй половины I тысячелетия н.э., когда истощение ресурсов коралловых рифов вызвало очередной коллапс хозяйственной системы. В качестве доказательства

указывается сокращение количества поселений, увеличение доли останков кабанов, раковин *Tridacna*, уменьшение останков рыб коралловых рифов, рост случаев гипоплазии зубов у жителей островов. Как адаптация к пищевому стрессу рассматривается и расширение зоны распространения керамики [7, с. 59].

Иной точки зрения придерживается Ито Синдзи. Опираясь на существование последовательных и непрерывных типов керамики, он отрицает наличие на Северных и Центральных Рюкю циклов колонизации и вымирания и считает, что население проживало здесь в течение всего периода *кайдзука*. В ходе внутреннего развития происходили значительные изменения в характере поселений и стратегиях жизнеобеспечения населения. Охота, рыболовство, собирательство оставались основой экономики, но характер, воздействие и относительная важность каждого из этих компонентов системы значительно менялись с течением времени [12, с. 321].

ВЫВОДЫ

Проблема заселения и раннего освоения архипелага Рюкю сегодня далека от окончательного решения. Остаётся открытым вопрос о характере палеолитической культуры Рюкю и судьбе «человека Минатогава». Отмечается значительное влияние средовых условий на физические характеристики древнейших обитателей Рюкю. Поднятие уровня моря и исчезновение ряда представителей промысловой фауны привело к вымиранию, либо переселению палеолитического населения, и в дальнейшем архипелаг оставался необитаем.

В основе успешной колонизации Рюкю в неолитический период раковинных куч лежали стратегии эффективного использования ресурсов коралловых рифов, собирательства и охоты. Изменение культурного ландшафта складывалось из постепенного перехода от высокоомобильных дисперсных групп населения к оседлому населению возвышенностей и террас, обладавшему навыками манипуляции с растениями и животными, и, наконец, общинам, вовлечённым в обменно-торговые связи с внешним миром (Японией и Китаем). При этом, несмотря на контакты с агрикультурным окружением Северо-Восточной Азии, принятие земледелия произошло гораздо позже. Южная часть архипелага выделяется в особую культурную зону, не имевшую в описываемый период никаких связей с северным и центральным районами.

Паттерны заселения и освоения архипелага Рюкю занимают особое место в неолитической истории Северо-Восточной Азии. В процессе колонизации сформировалась отличительная культура охотников-рыболовов-собирателей маленьких отдалённых островов, обладающая внутренним динамизмом и потенциалом к развитию.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Baba Hisao. Physical Adaptation of the Minatogawa People to Island Environments // *Tropics*. 2000. May 30. Vol. 10(1). P. 231—241.
2. Bleed P., Matsui A. Why didn't agriculture develop in Japan? A consideration of Jomon ecological style, niche construction and the origins of domestication // *Archaeol. Method Theory*. 2010. № 17. Pp. 361—362.
3. Geer van der, Alexandra, Lyras George, de Vos John, Michael Dermitzakis. Evolution of island mammals: adaptation and extinction of placental mammals on islands. UK: Wiley — Blackwell, 2010. 496 p.
4. Habu Junko. Seafaring and the development of cultural complexity in Northeast Asia: evidence from the Japanese Archipelago // *Seafaring and the Development of Cultural Complexity in Northeast Asia*. Pp. 159—170.
5. Hiroto Takamiya. An Unusual case? Hunter-gatherers adaptation to an island environment: a case study from Okinawa, Japan // *Journal of Island & Coastal Archaeology*. 2006. no. 1. Pp. 49—66.
6. Hiroto Takamiya, Hudson Mark J., Yonenobu Hitoshi, Kirozumu Taiji, Toizumi Takeshi. An extraordinary case in human history: prehistoric hunter-gatherer adaptation to the island of the Central Ryukyus (Amami and Okinawa archipelagos), Japan // *HOL.SAGEPUB.COM: сайт журнала The Holocene 1—15*. URL: hol.sagepub.com. Pp. 1—15. (дата обращения: 16.02.2016).
7. Hudson Mark J., Aoyama Mami, Hoover Kara C. Navigating Hunter-Gatherer Resilience: Networks and Insularity in the Prehistory of the Ryukyu Islands // *Networks, Interaction and Emerging Identities in Fennoscandia and Beyond*. Helsinki. 2012. Pp. 49—66.
8. Kinoshita Naoko. Shell trade and exchange in the prehistory of the Ryukyu archipelago // *Indo-Pacific Prehistory Association Bulletin*. no. 23. 2003 (Taipei Papers, Vol. I). Pp. 67—72.
9. Nakagawa Ryohei, Doi Naomi, Nishioka Yuichiro, Nunami Shin, Yamauchi Heizaburo, Fujita Masaki, Yamazaki Shinji, Yamamoto Masaaki, Katagiri Chiaki, Mukai Hitoshi, Matsuzaki Hiroyuki, Gakuhari Takashi, Takigami Mai, Yoneda Minoru. Pleistocene human remains from Shiraho-Saonetabaru Cave on Isigaki Island, Okinawa, Japan and their radiocarbon dating // *Anthropological Science*. 2010. Vol. 118(3). Pp. 173—183.
10. Otsuka Hiroyuki, Takahashi Akio. Pleistocene Vertebrate Faunas in the Ryukyu Islands: Their Migration and Extinction // *Tropics*. 2000. May 30. Vol. 10(1). Pp. 25—40.
11. Pearson Richard. Ancient Ryukyu: an archaeological study of island communities. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2013. 396 p.
12. Shinji Ito. Why did people go to the hill? Prehistoric landscape shifts and neolithization of the Northern Ryukyu archipelago, Japan // *Journal of World Prehistory*. 2014. № 27. Pp. 309—323.
13. Summerhayes Glenn R. and Atholl Anderson. An Austronesian presence in Southern Japan: early occupation the Yaeyama Islands // *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*. 2009. № 29. Pp. 76—91.
14. Takayuki Shinzato. Distribution networks in the Okinawa Islands in the period parallel Yayoi (300 BC to AD 300) // *Indo-Pacific Prehistory Association Bulletin*. 2003 (Taipei Papers, Volume I). № 23. Pp. 73—82.
15. Асато Сусуми, Дои Наоми. Окинавадзин ва доко кара кита ка? = Откуда пришли окинавцы? Наха: Бо:та:инку, 1999. 198 с.
16. Ода Сидзуо. Рю:кю: рэтто кю:сэки бунка но вакугуми ни цуйтэ = Зона палеолитической культуры архипелага Рюкю // *Сэнси дзидай но сэйкацу то бунка = Жизнь и культура в доисторический период*. Тиба: Ватанабэ инсю, 2001. С. 7—23.
17. Хироз Такамия. Окинава но сэнси исэки то бунка = Доисторические памятники и культура на Окинаве. Токио: Дайитисё:бо, 1994. 414 с.

REFERENCES

1. Baba Hisao. Physical Adaptation of the Minatogawa People to Island Environments *Tropics*, 2000, May 30, vol. 10(1), pp. 231—241. (In Eng.)
2. Bleed P., Matsui A. Why didn't agriculture develop in Japan? A consideration of Jomon ecological style, niche construction and the origins of domestication. *Archaeol. Method Theory*, 2010, no. 17, pp. 361—362. (In Eng.)
3. Geer van der, Alexandra, Lyras George, de Vos John, Michael Dermitzakis. *Evolution of island mammals: adaptation and extinction of placental mammals on islands*. UK, Wiley — Blackwell Publ., 2010, 496 p. (In Eng.)
4. Habu Junko. Seafaring and the development of cultural complexity in Northeast Asia: evidence from the Japanese Archipelago. *Seafaring and the Development of Cultural Complexity in Northeast Asia*, pp. 159—170. (In Eng.)
5. Hiroto Takamiya. An Unusual case? Hunter-gatherers adaptation to an island environment: a case study from Okinawa, Japan. *Journal of Island & Coastal Archaeology*, 2006, no. 1, pp. 49—66. (In Eng.)
6. Hiroto Takamiya, Hudson Mark J., Yonenobu Hitoshi, Kirozumu Taiji, Toizumi Takeshi. An extraordinary case in human history: prehistoric hunter-gatherer adaptation to the island of the Central Ryukyus (Amami and Okinawa archipelagos), Japan. *The Holocene* 1—15. Available at: <http://hol.sagepub.com>. pp. 1—15 (accessed: 16.02.2016). (In Eng.)
7. Hudson Mark J., Aoyama Mami, Hoover Kara C. Navigating Hunter-Gatherer Resilience: Networks and Insularity in the Prehistory of the Ryukyu Islands. *Networks, Interaction and Emerging Identities in Fennoscandia and Beyond*. Helsinki, 2012, pp. 49—66. (In Eng.)
8. Kinoshita Naoko. Shell trade and exchange in the prehistory of the Ryukyu archipelago. *Indo-Pacific Prehistory Association Bulletin*, no. 23, 2003 (Taipei Papers, Vol. I), pp. 67—72. (In Eng.)
9. Nakagawa Ryohei, Doi Naomi, Nishioka Yuichiro, Nunami Shin, Yamauchi Heizaburo, Fujita Masaki, Yamazaki Shinji, Yamamoto Masaaki, Katagiri Chiaki, Mukai Hitoshi, Matsuzaki Hiroyuki, Gakuhari Takashi, Takigami Mai, Yoneda Minoru. Pleistocene human remains from Shiraho-Saonetabaru Cave on Isigaki Island, Okinawa, Japan and their radiocarbon dating. *Anthropological Science*, 2010, vol. 118(3), pp. 173—183. (In Eng.)
10. Otsuka Hiroyuki, Takahashi Akio. Pleistocene Vertebrate Faunas in the Ryukyu Islands: Their Migration and Extinction. *Tropics*, 2000, May 30, vol. 10(1), pp. 25—40. (In Eng.)
11. Pearson Richard. *Ancient Ryukyu: an archaeological study of island communities*. Honolulu: University of Hawai'i Press Publ., 2013, 396 p. (In Eng.)
12. Shinji Ito. Why did people go to the hill? Prehistoric landscape shifts and neolithization of the Northern Ryukyu archipelago, Japan. *Journal of World Prehistory*, 2014, no. 27, pp. 309—323. (In Eng.)
13. Summerhayes Glenn R., Atholl Anderson. An Austronesian presence in Southern Japan: early occupation the Yaeyama Islands. *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*, no. 29, 2009, pp. 76—91. (In Eng.)
14. Takayuki Shinzato. Distribution networks in the Okinawa Islands in the period parallel Yayoi (300 BC to AD 300). *Indo-Pacific Prehistory Association Bulletin*, no. 23, 2003 (Taipei Papers, Vol. I), pp. 73—82. (In Eng.)
15. Asato Susumi, Doi Naomi. *Okinavadin va doko kara kita ka?* [Where did Okinawans come from?] Naha, Bo:ta:inku, 1999, 198 p. (In Japan.)
16. Oda Sidzuo. Rju:kju: rjetto kju:sjekki bunka no vakugumi ni cujtje. [The area of the Paleolithic culture of the Ryukyu archipelago]. *Sjensi dzidaj no sjejkacu to bunka*. [Life and culture in the prehistoric period]. Tiba, Vatanabje insju, 2001, pp. 7—23. (In Japan.)
17. Hiroje Takamija. *Okinava no sjensi isjeki to bunka* [Prehistoric monuments and culture in Okinawa]. Tokio, Dajitisjo:bo, 1994, 414 p. (In Japan.)